

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125

Отказался от всеобщей кормушки

Теперь о том, как появился в Калуге ее грядущий и мой хулигатель Анатолий Сергеевич Ткаченко. Сажу в конторе – пересыпчивый стукоток в дверь, так просятся на прием либо посторонние, либо вкрадчивые прохиндеи из графоманов. Попросил войти. Боком заскользнул в кабинет пестропиджачный задранный незнакомец. Улыбался, точнее сказать, лыбился, блудливо-заискивающая улыбка ниспадала от уголков глаз, неожиданно ясновзорых, к по-змеиному извилистым губам.

Сейчас, затронув начальные впечатления о нем, я вспомнил его навет, будто бы я некоторых писателей на порог не пускал. Ни разу не было случая, чтобы я кого-то из писателей на порог не пустил. Я пускал в квартиру неизвестных мне людей, наверняка я везучий малый, коль меня посещали такие индивидуумы, кто, состояв в пролазах, гнусягах, алкашах-бездельниках, рецидивистах, не вызвал у меня желания не пустить его или ее на порог: они приходили без неприязни, и я отвечал им тем же. Они, конечно, предошущали, что им я не судья, что я сострадатель, добродей, совестливый, а главное, что я ходатай по горестным делам человечества и подхватливо бескорыстный пособник в законных нуждах, доступных всеучитыванию, всеоблюдению необходимого.

От природы настроенный на доброжелательство (линия моего деда Ивана Петровича и мамы Марии Ивановны), я не стал предавать значение противоречию Ткаченко между его ясно-зоростью и тем, как он лыбился, низводя улыбку к извилистым губам. Простота, с которой он сел, легкая простота, наискосок мне, выдавала в нем уверенность, нацеленную на безотказность. С придыханием в груди он объявил себя слушателем Высших литературных курсов, к чему я отнесся с обыкновением, и он посмугнел. Он был из безымянных слушателей ВЛК, а среди моих друзей там учились и окончили их изумительные знаменитости. Кроме того, еще в звании молодого писателя меня дважды в конце 60-х приглашал на ВЛК для ведения прозаического семинара тогдашний их руководитель Юрий Григорьевич (Георгиевич) Лаптев. И не просто приглашал, а давал двухкомнатную квартиру на улице Добролюбова с постоянной пропиской всей моей семье. В ту пору заделаться москвичом для многих писателей было недостижимой мечтой, ибо поселение в столице обеспечивалось Президиумом Моссовета, Центральными комитетами партии и комсомола, Советом министров СССР. Нашего брата, естественно, лучшую его часть, влекло то, что столица – сокровищница духовных творцов и ценностей страны, а не то, что она – всеобщая кормушка. И дважды без сожаления я отказался влиться в шепотку руководителей семинаров на ВЛК, чему предпочел жизнь в родном Магнитогорске.

Мое отношение к гладкописи

Напомню, почти десятилетием раньше я отказался от должности собственного корреспондента «Огонька» по Сибири и Дальнему Востоку, предложенной мне главным редактором этого журнала, поэтом и драматургом Анатолием Владимировичем Софроновым. И опять же, я отказался ради того, чтобы не расставаться с магнетически сокровенной, загадочной, любимейшей Магниткой. Хотелось вынудить Магнитку до вечных жаропрочных солнечных недр ее характера; мечталось вчувствоваться в ее душу безмерных красот, могущества, вольнолюбия, подвижничества.

Я догадался, что Ткаченко прикатил по немаловажной причине, так как он тотчас скрутил свою присмугненность явно неумеренно эгоцентрического человека. Раз чиновник не зачарован его слушательством на Высших литературных курсах, значит, ему надо подбросить приманку позавлекательнее. Печатаются он недавно. Хабаровск–Южно-Сахалинск – его словно бы подготовительные трамплины к чемпионству, публикации в «Огоньке» – чемпионство. Вы, мол, по себе знаете, опубликовал «Огонек» – вся страна зачитывается. Я возразил: «Когда как». Чемпион непоколеблен: качество отбора – сети с крупной ячеей, – только крупную рыбу ловит... Да, отбор там, любой журнал позавидует. Я: «Это касательно стиля и кратких прозаических жанров. Но дающий о себе знать: подзастилавшая политическая ориентация, не всегда преодолеваемая, – журнал положительного показа, что скажет его эстетический и умственный уровень, ну и социально-политический». Он: «Массовость, суть, доступность».

Для меня самостоятельность зачастую заслуживала уважения. Разговаривая с ним, я маялся, пытаюсь вспомнить его огоньковский рассказ, однако, кроме описания острого и толстенных существ типа моржей, названных им сивучами, ничто не вспомнилось. Запомнилось, правда, не совсем лестно для автора, чем я огорчился до неприязни даже у мастеров

Анатолий Сафронов – главный редактор «Огонька», драматург и поэт

подобья Юрия Нагибина: гладкопись. Увы, Ткаченко дал маху, спросив, встречал ли я его в «Огоньке». Встречал. Впечатление стусевалось, за исключением тоннажных сивучей. Не умолчал я и о своем отношении к гладкописи. Ежели я говорил честно, крупным писателям, которые давали мне рукописи или новые книги на прочтение, я не скрывал своих впечатлений. Здесь тем более я остался верен себе.

Правда, крупные писатели тоже честно говорили о моих вещах, да при этом еще и были либо моими друзьями, либо близкими товарищами, и я, дабы смирить чуткость искренности знакомства, позвал Анатолия Сергеевича почтаевичничать в бухгалтерии у Надежды Алексеевны Варенцовой, принадлежавшей через мужа, полковника, к роду главного маршала бронетанковых войск Игоря Варенцова, разжалованного Никитой Хрущевым до генерал-майора. Приветливого обращения красавица, Надежда Алексеевна всю войну была при штабе великого свояка, мигом уловила настроение гостя. Терпким китайским чаем, лимонными дольками, сушками, осыпанными маком, расспросами о Дальнем Востоке она сняла подавленность Ткаченко, к тому же непроизвольно выявила, что Анатолий Сергеевич после курсов не собирается обратно на Сахалин. Едва вернувшись в кабинет, он заговорил о том, что слышан, будто бы наша организация поощряет охоту сильных писателей с окранных перебираться в Калужскую область. Хитренько подольстил мне, не забыв выделить себя обожаемого.

Рассказчик милостью Божьей

Я: «Поощряет партийное начальство, поскольку располагает властью и средствами, писательская организация всего лишь благоприятствует. Куда бы вы хотели переехать?» Он: «В Калугу». Я: «В Калуге слабое строительство. Мало, к сожалению, состоятельных предприятий. Районные центры, по большому счету, бедны. На Владимирщину не обращались? Там обком поощряет приток писателей». Он: «Там невпротык. Получают квартиры или скоро получат поэт Николай Тарасенко из Крыма, критик Игорь Золотуский из Владивостока, на очереди Александр Гольдберг из Челябинска. Ответственный секретарь Владимирских писателей – Сергей Никитин. Он советует партийному начальству повременить с приглашением профессионалов из других краев. Кстати, коль не читали Сергея Никитина, не откладывайте, вот рассказчик милостью Божьей, пожалуй, ранга Пришвина, Соколова-Микитова, Бориса Бедного, даже Паустовского, Бунина...» Он кивнул.

Я узнал, на сколько человек Ткаченко необходимо жилье. На пятерых: на него, собственно, на жену Лию, которую он увел вместе с дочерью у одного южносахалинца, на младенца и тещу. Я не давал ему заверений, хотя у меня и сложились доверительно-дружеские отношения с влиятельными деятелями из Обнинска. Я стеснялся угнетать их ткаченкиной потребностью, тем более что в улучшении жилищных условий нуждались Валентин Волков из деревеньки Иваново, Михаил

Кузькин, обитавший под Ферзиково в комнатенке чуть больше спичечного коробка, Валентин Ермаков из Малоярославца, челябинец Александр Куницын, талантливый поэт, кто предлагал свои услуги журналиста Обнинску и кому хотелось осесть, пусть на время, близ Москвы.

Я съездил в атомоград, переговорил с горкомовцами. Все выше обозначенные литераторы могли претендовать из-за безденежья только на государственную жилплощадь. Горкомовцы Павлова и Лесничий выбрали для Ткаченко кооперативный вариант, если его он сумеет одолеть. Претендентов на обнинские кооперативы хватало вдосталь, и этот вариант с их стороны был волеизлиянием щедрости. От Анатолия Сергеевича у меня осталось впечатление: он не то чтобы скопидом, однако склонен к накопительству гамзы.

Боевитый ради других

Он снял комнату в столице на Садовом Кольце, около станции метро «Маяковская», что указывало на его не пустующий лопатник (портмоне). Я позвонил Ткаченко. Он поразил меня практичностью: насколько-де лет дается рассрочка? Обнинцы не затрагивали проблему выплат, и я посоветовал ему звякнуть Азе Павловой. Он звякнул. Рассрочка была щадящая, на двадцать лет. Он, когда отзванивал, тоном скряги бормотнул: «Нда, придется раскошелиться» – «Зато квартира фактически будет твоя», – сказал я ему в утешение. «Мифично», – жестко возразил он. Я не стал спорить. Было мне известно от старых москвичей, что их кооперативы отошли государству. Теперь я осведомлен о том, что моя личная кооперативная квартира отнюдь не моя: те, кто в ней прописан, при обмене имеют право не разрешать обмен, что они должны быть тоже наделены собственным метражом, хотя и никогда вовсе не выплачивали пай и ни разу не платили за аренду, ни за тепло, электричество, газ, ни за воду, ни за телефон... Так что ему не откажешь в практицизме, однако откажешь в понимании самоспасения и полном обережении семьи от возмездия мужа Лили, которого он очень страшился.

Я, когда перебрался из Калуги в кооператив Юго-Запада Москвы и у нас в доме оказались магазины, где, пусть и выстаивая очередь, покупая главную снедь для Татьяны Петровны и сына с дочерью, я был безмерно счастлив: изнурительное, на грани морального надрыва добывание продуктов измахряло меня. Что и говорить, Ткаченко не отказался от кооперативной квартиры. В столице он благоденствовал, и в городе с московским снабжением стал благоденствовать. Он сиднем сидел в Обнинске, за исключением деловых наездов в Москву, и почти не бывал в Калуге за семилетие моей жизни там. Я думаю, что и семи раз он не был в Калуге, и вдруг он пишет о нас с женой постыдно-клеветнически, прямо-таки паранойя: «Приглядываясь к чете Вороновых, я все больше удивлялся их житейской хватке. Эта боевитая уральская пара сумела быстренько обзавестись в «патриархальной» Калуге полезными знакомствами, магазинными и прочими благами: лучшую еду, лучшую одежду, лучшие книги им несли на квартиру». Как можно приглядываться, пребывая на отшибе? ☹

Продолжение следует.

> Литература – это правление рода человеческого посредством ума. Виктор ГЮГО